

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 111.83

ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ БЫТИЯ В РОССИИ В ЭПОХУ КОВИД-ПОСТАПОКАЛИПСИСА

Т.В. Филатов*

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия
E-mail: priem@psati.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции изменения способа социального бытия в России под воздействием фактора пандемии COVID-19. Исходя из теории пассионарности Л.Н. Гумилева, осуществляется рациональная реконструкция данного способа бытия, сложившегося после распада СССР, который определяется как постапокалиптический. Анализируется феномен ковид-диссидентства применительно к России. Показана специфика перехода России от массовидности общества двадцатого столетия к обществу аутического типа и виртуального общения, которое формируется в наши дни.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, теория пассионарности Л.Н. Гумилева, традиционализм, актуализм, футуризм, нигилизм, мемориальная фаза бытия российского общества, постапокалипсис, массовая культура, культура аутического типа.

Пандемия COVID-19 кардинальным образом изменила наш мир, обострив обозначившиеся значительно ранее трагических событий последнего года общепланетарные и региональные проблемы современности, что в очередной раз поставило под вопрос онтологические основания постнеклассической (постмодернистской) цивилизации конца XX–начала XXI века. Цель настоящей статьи – рассмотреть кризис сложившихся в XX столетии основ структур человеческого существования, катализатором которого стала пандемия коронавируса, применительно к России.

При этом в качестве одного из методологических оснований исследования мы используем классификацию форм восприятия времени, построенную Л.Н. Гумилевым в рамках развивавшейся им *теории пассионарности* [3], согласно которой народы, пребывающие на различных фазах этногенеза, воспринимают время по-разному. Первая форма восприятия времени, соответствующая фазе подъема этноса, обозначается как пассеизм [3, с. 122]. Это

---

* **ФИЛАТОВ Тимур Валентинович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики».

период, когда представители этноса экзистенциально ориентированы исключительно на *прошлое*. Люди в этот период «чтят заветы отцов», видят смысл своей жизни исключительно *в продолжении рода*, стремятся «всячески преумножить» его величие. Человек не мыслит себя в качестве онтологически самодостаточной единицы, а только как элемент рода. Именно поэтому наказания за супружескую неверность столь разительно отличаются для мужчин и для женщин практически во всех традиционных обществах. Ведь мужчина в случае измены совершает преступление против отдельных людей, а женщина, будучи продолжательницей рода, – против рода.

Здесь термин «пассеизм» представляется нам не очень удачным, поскольку в русскоязычной интерпретации он несет в себе ярко выраженное негативное содержание, восходящее к марксистской идеологии, господствовавшей в СССР. Например, в «Большой советской энциклопедии» мы находим следующее определение: «Пассеизм (от франц. *passé* – прошлое) – пристрастие к прошлому, любование им при внешне безразличном, а на деле враждебном отношении к настоящему, к прогрессу; консерватизм» [11]. По этой причине мы будем использовать для обозначения темпоральной ориентации на прошлое более широкое понятие «*традиционализм*», лишенное явной негативной коннотации.

Далее в классификации Л.Н. Гумилева выделяется *актуализм* [3, с. 123], когда в этносе происходит экзистенциальная переориентация с прошлого на *настоящее*. Люди более не чувствуют себя составляющими родовой общности, связи с родственниками ослабевают, причем как вертикальные, так и горизонтальные. Вместо родовых общностей, простирающихся в прошлое на 8–9 колен даже для худородных крестьян, а также интенсивно взаимодействующих друг с другом в настоящем двоюродных, троюродных и даже четвероюродных родственников, остается короткий фрагмент, включающий три поколения, а также, в порядке исключения, двоюродных родственников. Главное в том, что человек эпохи актуализма переориентируется с родовых на индивидуальные ценности: карьеру, семью, потребление и т.п. Молодой Маяковский, рано потерявший отца, художественно выразил суть подобного восприятия времени в стихотворении с характерным названием: «Себе, любимому, посвящает автор эти строки» [8, с. 126].

Актуализм в конечном итоге замещается *футуризмом*, предполагающим отрицание не только прошлого, но и настоящего во имя «светлого» *будущего* [3, с. 124]. Футуризм можно воспринимать как перевернутый во времени вариант традиционализма. Вместе с тем он отражает последнюю фазу социальной динамики, финальные усилия этноса изменить, точнее, переломить свою историческую судьбу. В конечном итоге, этнос переходит в статическое состояние, которое Л.Н. Гумилев метко определяет как *мемориальную фазу* его эволюции [4, с. 509]. На этой стадии время вообще перестает как-либо вос-

приниматься представителями соответствующего этноса. Наступает своеобразная эпоха *безвременья*, которую, на наш взгляд, целесообразно обозначить как *нигилизм*. Этнос окончательно сходит с исторической сцены, проще говоря, умирает, превращается в живой труп, точнее, в живой памятник самому себе. При этом крушение футуристических иллюзий и переход в мемориальную фазу *безвременья* воспринимается представителями соответствующего этноса в качестве *апокалипсиса* [13], необратимого крушения экзистенциально привычного для них социального мира, тогда как опыт жизни после экзистенциального крушения может быть определен в качестве *опыта загробной жизни* [12] или *постапокалипсиса*.

Обратимся теперь к исторической эволюции России в последнее тридцатилетие (1990–2020). Очевидно, что любые обобщения в социально-гуманитарной сфере, в отличие от естественнонаучных теоретических построений, весьма ненадежны вследствие большей степени сложности социальных систем по сравнению с физическими или химическими, что предполагает многофакторность их детерминации и, как следствие этого, вероятностный характер интерпретации социальных процессов. Возможно, влияние определенных факторов переоценивается, а факторы, которые играют решающую роль, вообще не находятся в поле зрения исследователей. Необходимо также учитывать диалектический характер процессов развития сложных систем, вследствие чего каждый из витков диалектической спирали в миниатюре отражает весь процесс; причем в рамках восходящей фазы спираль раскручивается, а в рамках нисходящей – скручивается.

Так или иначе, применяя теорию пассионарности Л.Н. Гумилева к анализу отечественной истории советского периода, можно связать Вторую русскую революцию и последовавшую за ней Гражданскую войну в России с *акматической фазой* эволюции русского этноса, когда пассионарное напряжение в системе достигает величайшего в российской истории уровня. Последовавший за этим период правления И.В. Сталина, на который приходятся такие знаковые события как коллективизация, индустриализация, культурная революция, массовые репрессии и, наконец, Великая Отечественная война, по нашему мнению, соответствует *фазе надлома*, когда уровень пассионарности русского этноса резко упал, поскольку именно пассионарные личности массово погибали по ходу перечисленных выше социальных процессов (большая их часть пала на полях сражений). Последовавшая затем *инерционная фаза* ассоциируется у нас, прежде всего, с периодом правления Н.С. Хрущева, когда СССР–Россия достигает наиболее впечатляющих успехов за всю свою историю, символом которых становится полет Ю.А. Гагарина в космос. Наконец, в период правления Л.И. Брежнева и следующих за ним последних правителей СССР, включая М.С. Горбачева, русский этнос плавно вступает в *фазу обскурации*, для которой весьма значимо хрупкое

равновесие. Как только оно было нарушено Горбачевым с его идеями «перестройки» и «гласности», происходит распад страны, рушится ее экономика, процессы депопуляции постепенно перерастают в необратимое вымирание народа. То есть в период правления Б.Н. Ельцина происходит переход русского этноса в заключительную *мемориальную фазу*.

Развиваемую нами интерпретацию косвенно подтверждает кардинальное изменение восприятия времени в современной России. Если советская цивилизация была исключительно футуристической, ориентированной на «светлое» будущее, которое ассоциировалось в господствовавшей в советский период идеологии с бесклассовым коммунистическим обществом, то в современном российском обществе фактор времени более не играет существенной роли, так что и отношение ко времени здесь сугубо нигилистическое. Конечно, власть по инерции продолжает озвучивать планы страны на будущее, но этнос экзистенциально никак не связывает себя с ними. Более того, любые потенциально возможные изменения, исходящие от власти, психологически воспринимаются большей частью этноса как изменения к худшему, что объясняется не только «пессимистической индукцией», вытекающей из многочисленных провалов предшествовавших футуристических начинаний, наиболее масштабное из которых – построение коммунизма в «отдельно взятой стране», но, прежде всего, интегральным падением пассионарности этноса, представители которого психологически ориентированы на гомеостаз.

Конечно, на уровне исторического разума принять подобное положение дел достаточно сложно. Именно поэтому Л.Н. Гумилев в период распада СССР утверждал, что «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [9, с. 149], то есть он явно допускал, хотя бы как возможность, последующую эволюцию русского этноса, что заведомо невозможно в случае пребывания этноса в мемориальной фазе своей эволюции. Примечательно, что к идеям евразийства и собственно к творчеству Л.Н. Гумилева периодически обращались крупные политические фигуры на постсоветском пространстве, в частности, первый президент Киргизии А.А. Акаев, который связывал будущее своей страны с «единением народов Евразии» [1, с. 3].

На наш взгляд, процессы, протекавшие (и протекающие до сих пор) на окраинах распавшегося СССР, в том числе в Киргизии, в гумилевской терминологии вполне можно интерпретировать как кратковременную *фазу регенерации*, ставшую возможной из-за относительно большей пассионарности национальных окраин Евразии в сравнении с пассионарностью исторически образовавшего и веками сохранявшего евразийскую общность русского народа.

В пользу того, что распад СССР совпал с переходом русского этноса в мемориальную фазу своей эволюции, свидетельствуют также процессы, происходившие в коллективном бессознательном данного этноса, начиная

с года смерти Л.И. Брежнева (1982). Сначала историческое время текло под знаком перманентных похорон престарелых лидеров государства, транслировавшихся тогдашним государственным телевидением практически в каждый дом. Затем М.С. Горбачев инициировал «переосмысление» советского прошлого, что на ментальном уровне приобретало формы раскапывания гробов, а поднятая этим процессом вторая (после Н.С. Хрущева) волна «сталинохульства» плавно перетекла в «ленинохульство», итогом которого уже после распада СССР стал «ленинопад», то есть массовое разрушение памятников В.И. Ленину в бывших советских республиках. С запозданием на 25 лет данный процесс недавно получил свое продолжение на Украине. При этом в течение последних тридцати лет (1990–2020) с удивительным постоянством либерально ориентированной интеллигенцией поднималась тема «перезахоронения» В.И. Ленина с последующим разрушением его мавзолея.

В данной связи, несомненно, заслуживает внимания и мемориальная акция «Бессмертный полк», когда люди организуют массовые шествия с портретами своих родственников, которые принимали участие в Великой Отечественной войне и *уже умерли*, причем, по большей части, после войны. Пожалуй, это единственная после 1990 года массовая традиция, которая зародилась стихийно и была поддержана народом, поскольку она идеально соответствует коллективной ментальности современного поколения русских людей. Здесь напрашивается сравнение с массовыми праздничными шествиями советской эпохи, которые, с одной стороны, демонстрировали военную и экономическую мощь государства, с другой стороны, ментально были ориентированы на будущее, что инициировало массовое ощущение «уверенности в завтрашнем дне», впоследствии высмеивавшейся постсоветскими юмористами.

Как известно, базовой экзистенциальной основоструктурой христианства изначально выступала *апокалиптичность*, убеждение в том, что история мира близка к своему завершению. Однако в реальности христианам пришлось пережить не *конец мира*, а всего лишь *конец Рима*, то есть социальной общности, которая первой приняла христианство. Однако христианство было воспринято народами, разрушившими Рим и заселившими территории вымершего латинского этноса, так что апокалипсис был отложен для христианской Европы на неопределенные времена.

Принципиально иной характер носило формирование экзистенциала апокалиптичности в России. Смерть *Византии*, или второго Рима, от которой Русь восприняла христианство, практически совпала по времени с рождением Московского государства. В результате последнее становится *сиротой*, единственным православным государством, одинаково чуждым и Востоку, и Западу. Не удивительно, что вся последующая история Русского государства протекала *под знаком смерти*, ощущения постоянной угрозы уничтожения, собственной слабости и шаткости своего исторического бытия. Именно эта интенция ориен-

тировала Русское государство на постоянное территориальное расширение, вплоть до Тихого океана. Причем подобного рода экспансия была сущностно противоположна колониальной экспансии европейских народов – от испанцев и португальцев до англичан и французов. Это была превентивная форма подготовки к внешней агрессии, создание своеобразной территориальной подушки безопасности, которая сработала и против Наполеона, и против Гитлера. Подобного рода процессы и привели, в конечном итоге, к формированию такого экзистенциально-культурного феномена, как Евразия.

Основоположники евразийской идеи мыслили культуру Евразии не как механическое соединение европейской и азиатской культур [9, с. 150]. С другой стороны, испытывая постоянное нигилологическое давление как со стороны Европы, так и со стороны Азии, русский этнос был ориентирован на усвоение именно тех элементов европейской и азиатской культур, которые позволили бы ему устоять в противостоянии тому самому Ничто, которое, по словам М. Хайдеггера, «само ничтожит» [15, с. 34]. Именно поэтому сильной «европейской» стороной России, начиная с петровской модернизации, была высокая степень восприимчивости к западным технологиям, а сильной «азиатской» стороной – многодетность русского крестьянства, типично азиатская демография. Возможно, именно последняя особенность способствовала распространению в России социалистических идей с их культом пролетарской *массы*, материальности, сметающей в революционном водовороте со своего исторического пути буржуазную «духовность».

Именно азиатская демография позволяла евразийскому пространству демографически восстанавливаться даже после таких чудовищных людских потерь, как 27 миллионов советских граждан, погибших в ходе Великой Отечественной войны. В этом плане распад СССР становится знаковым событием, своеобразной точкой *онтологического невозврата*.

Демографический вектор кардинально меняется в сторону негативного диалектического синтеза, преобразуясь в знаменитый «*русский крест*» [6]: продолжительность жизни в РФ остается «азиатской», тогда как рождаемость становится вполне «европейской» (одна семья – один ребенок), что инициирует ускоренное вымирание русского этноса. При этом попытки экономически, то есть по-европейски, стимулировать рождаемость, предпринятые в период правления В.В. Путина, так и не смогли переломить эту негативную демографическую тенденцию.

В то же время в последнее тридцатилетие Россия в экономическом плане резко деградировала, причем, прежде всего, в качественном отношении. Если Советский Союз представлял собой самодостаточное в экономическом и технологическом отношении государственное образование, то есть обладал вполне «европейской» экономикой, то экономика РФ, принципы построения которой были заложены экономистами «школы Гайдара» в 90-е годы XX ве-

ка, держится по большей части на экспорте природных ресурсов, прежде всего энергоносителей, то есть является вполне «азиатской», как, например, экономика Саудовской Аравии.

Таким образом, за последнее тридцатилетие Россия-Евразия лишилась практически всех своих «подушек безопасности» – территориальной, экономической и демографической. При этом нигилологическое давление Европы и Азии на Россию с течением времени отнюдь не ослабевает, а лишь перманентно усиливается. Усыпляющее действие фактора наличия у России ядерного оружия с годами теряет свою гипнотическую силу ввиду обозначившейся в последнее тридцатилетие эффективности других средств ведения глобальной войны, каких как информационное, экономическое, демографическое, климатическое, биологическое и другие средства уничтожения противника.

Налицо – очевидная тенденция уменьшения устойчивости существования соответствующего этноса, что психологически воспринимается как открытое в свое время Хайдеггером *бытие к смерти* [14, с. 252–255]. Причем последнее соотносится не с бытием человека, как у Хайдеггера, а с бытием этноса как целого, что как раз и соответствует постапокалиптическому способу бытия. Конечно, по большей части оно осуществляется несобственным и неподлинным образом, поскольку привычные для индивидов онтологические основоструктуры социальной жизни все еще сохраняются, поэтому можно делать вид, что ничего экстраординарного с распадом СССР не произошло, и случившееся тридцать лет назад нас сегодняшних никак не касается.

Однако внешние, не зависящие от нас обстоятельства, в которые попадает человек, по Хайдеггеру, вполне способны трансформировать неподлинное бытие к смерти в *подлинное*. Одним из типичных внешних факторов, инициирующих кардинальное изменение восприятия бытия, как известно, является *война*, другим – *пандемия*. При этом пандемия COVID-19 оказывается особенно эффективной в плане переформатирования психологического восприятия социального бытия в направлении постапокалиптичности, поскольку она ставит под сомнение привычные его структуры, прежде всего те, которые связаны с *массовостью* и *массовидностью*.

Двадцатый век, несомненно, войдет в историю как эпоха «восстания масс», философский анализ которого был осуществлен в одноименной работе Х. Ортеги-и-Гассета [10]. Именно в двадцатом столетии население земли впервые в истории превысило один миллиард человек. Наконец, впервые в истории массы навязывают свою убогую эстетику всему обществу. Их низкое искусство становится единственной формой выражения духа времени, отгесняя на периферию элитарное искусство «верхов». В конечном итоге, по ходу истории двадцатого века формируется *массовая культура* и аутентичное ей *общество массового потребления*. Парадоксальным образом эстетика культуры «низов» на протяжении столетия так и не поменялась: изна-

чально она была анекдотической подделкой под культуру «верхов», таковой она и осталась вплоть до наших дней. С одним лишь дополнением: «верхи» постепенно уходят в небытие и в культурно-историческом плане сегодня уже полностью отсутствуют, как минимум, подчеркнута играя в «демократизм» с обязательной демонстрацией «близости к народу». В результате анекдотическое воспроизведение в массовой культуре «низами» эстетики несуществующих «верхов» фиксирует принципиальную лживость, условность и искусственность подобного типа культуры, как и всего буржуазного общества в целом, что находит свое выражение в представлении о симулякре – «копии несуществующего оригинала» у Ж. Бодрийера [2], а также в концепции «Общества спектакля» Г. Дебора [5].

Пандемия COVID-19 нанесла серьезный удар именно по массовой культуре и массовому потреблению, что символически выразилось в «*масочном режиме*» и обязательном требовании «*социальной дистанции*». Современная масса атомизируется; разделенная социальной дистанцией толпа психологически не может ощутить себя единым целым.

Конечно, периоды массовой изоляции во время эпидемий периодически наблюдались и в прошлом, но в наши дни наметилось нечто новое, принципиально отличающее нынешнюю ситуацию от всех предшествующих. Речь идет о современных информационных технологиях, позволяющих на время изоляции уйти не в себя, как это бывало ранее, с целью пережить тяжелые времена, чтобы потом вернуться к привычному образу жизни, а в *виртуальную реальность*, компенсируя недостаток социальных контактов их дистанционными аналогами. Привыкание к подобного рода общению, заведомо исключающему любые формы *тактильности* («рукопожатия отменяются!»), в конечном итоге, может закрепиться в качестве основоструктуры новой социальности, которая придет на смену обществу массового потребления двадцатого столетия.

Таким образом, на чисто российские постапокалиптические реалии накладываются дополнительные глобальные факторы, порождающие усугубление постапокалиптических ожиданий: стагнация мировой экономики, политическая нестабильность, неопределенность будущего самых разнообразных сфер человеческой деятельности: от шоу-бизнеса до офисной работы и системы образования. В этом плане хотелось бы остановиться, прежде всего, на феномене «*ковид-диссидентства*», точнее, на различных вариантах его онтологического обоснования в современной России.

Первый вариант – *фаталистический*. Попытки спастись от пандемии посредством карантинных мероприятий бесполезны. Те, кому суждено умереть, все равно умрут, а кому суждено выжить – выживут. Поэтому надо принять свою судьбу. Зачем отказываться от привычного образа жизни и привычных удовольствий, если в скором времени мы всё равно умрем. Это вполне по-

русски. Данный тип настроения восходит своими корнями к далекому прошлому, к упоминавшейся выше концепции «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать», смысл которой в том, что конец света близок, потому для Четвертого Рима просто не остается исторического времени [7].

Второй вариант – *формалистический*. Природа власти такова, что она перманентно должна изображать отеческую заботу о своих подданных, например, вводя определенные ограничения в период пандемии. Реакция русского народа на подобного рода «заботу» вполне предсказуема – необходимо подчиниться соответствующим ограничениям, но сугубо формально. Именно поэтому маски в России по большей части носятся ниже линии ноздрей, то есть чисто символически, потому что без них не обслуживают. Здесь также имеет место неявная отсылка к историческому опыту: необходимость соблюдения некой системы ритуалов, смысл которых, как правило, неясен гражданам, вынужденным их исполнять.

Третий вариант – *постапокалиптический*. Смысл данного подхода выражается пословицей: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». С одной стороны, это описанное Хайдеггером «несобственное и неподлинное» бытие к смерти [14, с. 254], когда человек усиленно делает вид, что смерти нет, потому что опыт собственной смерти для нас недоступен. С другой стороны, события последнего тридцатилетия выработали у русского народа специфическую устойчивость в плане переживания бытия к смерти. Пандемия COVID-19 прекрасно вписывается в общую логику «пессимистической индукции» и потому не воспринимается как нечто экстраординарное, постоянно соскальзывая в обыденность.

Поскольку историческому процессу свойственна диалектическая цикличность, можно усмотреть определенную аналогию между современными событиями и эпохой «Смутного времени» (1598–1613), когда затяжной экологический кризис, повлекший за собой массовый голод, воспринимался в сознании народа как «божья кара», наказание за коллективный грех поощрения убийства царевича Дмитрия с последующим возведением на престол его предполагаемого убийцы – Бориса Годунова. Аналогичным образом отказ от коммунистической идеологии, приведший к развалу страны и прочим бедам, посыпавшимся на Россию и русский народ в последние десятилетия, вполне мог бы быть воспринят нынешним поколением русских людей как наказание народа за предательство «коммунистических идеалов» и впадению в грех стяжательства. Однако подобный поворот мысли невозможен в обществе, где в течение трех поколений старательно культивировалась атеистическая идеология.

Суммируем сказанное. Парадоксальным образом постапокалиптический способ бытия, сложившийся в России в последнее тридцатилетие, существенно ослабил социальные последствия пандемии COVID-19, выразившиеся в процессах деградации общества, основным отличительным признаком кото-

рого являются массовость и массовидность. Дело в том, что деградация институтов массовости в России началась еще в конце 90-х годов XX века в контексте тотального отрицания составляющих коммунистической идеологии, включая *коллективизм*, то есть массовидность. Иначе говоря, российское общество пережило стадию атомизации и резкого усиления социального отчуждения значительно ранее, нежели началась пандемия. По этой причине отмена массовых мероприятий, требование социальной дистанции и, прежде всего, переход к дистанционным формам трудовой деятельности были восприняты в России психологически менее остро, нежели, например, в США или в Евросоюзе.

Более того, сервисы интернет-заказов с последующей бесконтактной доставкой покупок получают в России все более широкое распространение, которое сдерживается, главным образом, низкими доходами большей части населения страны. Сюда же следует добавить сервисы дистанционных оплат налогов, коммунальных счетов и т.п., что потенциально способно привести к полной виртуализации существования весьма значительных групп населения. При достаточно длительном сохранении подобной тенденции Россия может столкнуться с существенной *аутизацией* общества, когда любые тактильные контакты с окружающими будут восприниматься как нежелательные и даже потенциально травматические.

Список литературы

1. Акаев, А.А. Гумилевское видение будущего Евразии / А.А. Акаев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Экономика. – 2012. – № 4. – С. 3–11.
2. Бордийяр, Ж. Симулякры и симуляции; пер. с фр. А. Качалова / Ж. Бордийяр. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
3. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 526 с.
4. Гумилев, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы / Л.Н. Гумилев. – М.: Прогресс, 1993. – 543 с.
5. Дебор, Г. Общество спектакля; пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович / Г. Дебор. – М.: Логос, 2000. – 184 с.
6. Ивченков, С.Г. Современный демографический кризис в России через призму экспертного мнения / С.Г. Ивченков // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. – М.: ООО «Изд-во «Экон-Информ», 2019. – С. 218–224.
7. Ищенко, Н.С. Культурно-архетипические основания русской цивилизации / Н.С. Ищенко // Проблемы цивилизационного развития. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 105–126.
8. Маяковский, В.В. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 1 / В.В. Маяковский – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 464 с.
9. Орлик, И.И. Спасет ли Россию евразийская идея? / И.И. Орлик // Мир перемен. – 2009. – № 4. – С. 149–163.

10. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.
11. Пассеизм // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%9F%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения 7.12.2020).
12. Филатов, Т.В. Вызов с «того света»: опыт загробной жизни в современной Европе и в постсоветской России / Т.В. Филатов // Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы. – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2018. – С. 121–128.
13. Филатов, Т.В. Грядущий апокалипсис: обзор основных сценариев экзистенциального упразднения человечества / Т.В. Филатов. – Самара: Изд-во СГСХА, 2008. – 159 с.
14. Хайдеггер, М. Бытие и время; пер. с нем. В.В. Бибихина / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
15. Хайдеггер, М. Что такое метафизика?; Пер. с нем. В.В. Бибихина / М.Хайдеггер. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2013. – 288 с. – (Философские технологии).

CHANGING THE PERCEPTION OF BEING IN RUSSIA IN THE ERA OF COVID-POST-APOCALYPSE

T.V. Filatov*

*Povolzhsky State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia
E-mail: priem@psati.ru*

***Abstract.** The article deals with the main trends in changing the way of social life in Russia under the influence of the COVID-19 pandemic factor. Based on the theory of passionarity By L. N. Gumilyov, a rational reconstruction of this way of being, which developed after the collapse of the USSR, is carried out, which is defined as post-apocalyptic. The article analyzes the phenomenon of covid-dissidence in relation to Russia. The article shows the specifics of Russia's transition from the mass-type society of the twentieth century to the society of the autistic type and virtual communication, which is being formed today.*

***Keywords:** COVID-19 pandemic, L.N. Gumilyov's theory of passionarity, traditionalism, actualism, futurism, nihilism, memorial phase of the being of Russian society, post-apocalypse, mass culture, autistic culture.*

---

* *FILATOV Timur Valentinovich* – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Volga State University of Telecommunications and Informatics.